

**КАК СКОНСТРУИРОВАТЬ СОЦИАЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО ОПРОСНЫМ МЕТОДОМ:**

**ЗВОНОВСКИЙ В.Б. СОЦИОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА
ПОВСЕДНЕВНОСТИ. САМАРА: ИЗД-ВО «САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ», 2009.**

Г.С. Батыгин не раз перефразировал известную теорему Уильяма Томаса об определении ситуации: «Если человек определяет ситуацию как реальную, она становится реальной в своих последствиях; но попробуйте это сделать, и ситуация быстро переопределит вас сама». Не стоит играть с реальностью, которая гораздо жестче представлений о ней. И хотя слова способны создавать реальность (см. перформативные штудии Дж. Остина и Дж. Серла), она не определяется интенциональными особенностями субъекта говорения. Как это ни печально для любителей социальной инженерии, конституирование реальности чаще лежит вне личных мотивов и устремлений. Монография В.Б. Звоновского — тому хороший пример, который демонстрирует неконсистентность теоретических представлений о пространстве и рутинных опросных технологий. Устремления исследователя столкнулись с весьма негибкой реальностью, так и не позволившей осуществить намеченные планы пространственной реконструкции на материале массового опроса. Заметим, что В.Б. Звоновский не новичок в эмпирической социологии: Президент Фонда социальных исследований (<http://www.socio-fond.com/>), руководитель большого количества исследовательских проектов, автор методических и эмпирических работ [1–8]. Поставленная автором задача операционализации пространственных конструкторов отнюдь не тривиальна для социолога-эмпирика.

Книга начинается весьма интригующе: «Мы не пытаемся здесь отвечать на вопрос: что такое пространство? Строго говоря, мы этого не знаем. Мы сосредоточимся на задаче выявить, что понимают люди под пространством» (с. 7). Затем, несколько десятков страниц посвящено беглому обзору упоминаний о пространстве в дискурсе социальных исследователей. Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Г. Зиммель, Э. Гуссерль, А. Шюц, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Р. Мертон, П. Лазарсфельд, П. Бурдьё, П. Бергер и Н. Лукман, Э. Гидденс, Дж. Серл, Ж.-Ф. Лиотар, А. Филбрик, Дж. Гибсон, Б. Верлен, С. Милграмм, М. Маклюэн... Имена, перекрестные ссылки, рассуждения о множественности подходов, о междисциплинарных перепетиях, метафорических переносах и, наконец, утверждение о доминировании конструктивистских интерпретаций в современных трактовках пространства. Реальность, прежде всего определяемая через пространственные отношения, конструируется, по мнению автора, двумя

взаимокорректируемыми опытами: привлеченным (в основном с помощью средств массовой информации) и индивидуальным, основанным на телесных взаимодействиях (с. 89). В их столкновении видится неизбывный конфликт, разрешаемый как в обыденных ситуациях, так и в теоретических рассуждениях. Пафос (следуя классической научной традиции, автор пишет о предмете исследования) около сотни страниц обзора сводятся к «метасоциологическому анализу происхождения» этого конфликта и его «содержанию в различных социальных теориях» (с. 14). Корректность и обоснованность столь амбициозного теоретического проекта оставим на усмотрение профессионалов (в российской социологии специалистом в этой области является А.Ф. Филиппов [9]). Гораздо больший интерес представляет дальнейшее изложение эмпирического материала. Последний вряд ли способен подкрепить или опровергнуть исходные теоретические предпосылки. Скорее он проясняет позицию автора, делает его мысль более прозрачной, кристаллизованной из множества метафорических конструкций. Если, конечно, не считать релевантной выборкой для понимания пространства лишь интеллектуалов, пишущих о нем. В таком случае, ответ на вопрос «что люди понимают под пространством?» уже представлен и труд можно считать завершённым.

Еще раз подтвердив изначальные притязания на предмет исследования — «...предметом нашей монографии является восприятие пространства и пространственных расстояний сознанием» (с. 94), — автор переходит к формулированию критической гипотезы, подтверждению которой посвящены оставшиеся страницы монографии: «...чем дальше от непосредственных физических контактов индивида (как представителя определенной социальной группы, погруженного в некоторую социальную среду) отстоит некоторый объект (расположены носители некоторых свойств, например, уровня благополучия), тем в меньшей степени оценка свойств объекта определяется собственным жизненным (житейским) опытом данного индивида и в большей степени — опытом, доставленным ему через каналы социальной коммуникации, то есть привлеченным опытом» (с. 94).

Первое, что приходит на ум, — вывод о тривиальности высказанного суждения. Чем дальше от тебя находится предмет, тем меньше шансов дотянуться до него самостоятельно и больше желания попросить об услуге другого. Обоснованность привлечения внешнего опыта для оценки социально удаленных объектов, на мой взгляд, очевидна. Нет ли здесь какого-то подвоха, авторской интриги, на манер лазарсфельдовских речевых трюков? Скажем, обозначено желание найти нелинейность социальных пространственных отношений, а значит некорректность перенесения евклидовых метафор в социологический дискурс. Или присутствуют явные, очевидные для обывателя

представления о том, что далекое оценивается через близкие, доступные здесь-и-сейчас эталоны, которые и производит личный, телесный опыт. Или привлеченные, внешние для человека ресурсы обладают заведомо более низким обосновательным статусом, привлекаются в последнюю очередь, когда перебраны собственные, телесно опосредованные элементы оценки. А значит первым вопросом становится обозначение, теоретическое обоснование далекого (привлеченного) и близкого (житейского), в различении которых физическая близость уже не может играть доминирующую роль. Увы, ни первое, ни второе, ни третье... Последующий шаг в осуществлении авторского замысла создает совершенно иную исследовательскую реальность.

В качестве зависимых переменных, задающих социальную дистанцию, рассматриваются три вопроса об оценках материального благосостояния: 1) Как вы полагаете, ваше нынешнее материальное положение по сравнению с тем, каким оно было год назад, улучшилось, ухудшилось или осталось прежним? 2) Как, по вашему мнению, изменилась за последний год экономическая ситуация в Самаре: улучшилась, ухудшилась или осталась прежней? 3) Как, по вашему мнению, изменилась за последний год экономическая ситуация в России: улучшилась, ухудшилась или осталась прежней? Несмотря на трехуровневую шкалу в вопросе, ответы интервьюеру предлагается кодировать по четырем значениям: улучшилась, осталась прежней, немного ухудшилась, резко ухудшилась. В качестве независимых переменных принимаются стандартные социально-демографические характеристики: пол, возраст, образование и род занятости. В зависимых переменных рассматриваются лишь ответы, соответствующие крайним значениям шкалы: «улучшилась» и «резко ухудшилась». Анализ состоит в рассмотрении парных корреляций между переменными и выявлении различий в ответах у представителей разных социально-демографических групп. Причем автор ограничивается лишь данным набором признаков, не создавая вторичных переменных (например, пожилые с высшим образованием или молодые женщины со средним образованием).

Основным аргументом в пользу выдвинутой гипотезы становятся значимые различия в оценках, данных представителями разных групп при ответе на первый вопрос, и отсутствие таких различий при ответе на второй, и в особенности третий вопросы. Это позволяет автору говорить о «сокращении влияния собственного опыта на оценку изменений материального благополучия территориальной общности, к которой принадлежит индивид», и «доминирующем влиянии собственного опыта на оценку индивидуальной ситуации и практически полном отсутствии значимого влияния на оценки ситуации, которая находится за пределами непосредственного опыта и информация о которой доступна преимущественно через социальную коммуникацию» (с. 101–102,

121). Затем рассматривается динамика ответов на вопросы за десятилетие и отмечается стабильность выявленных различий: люди, как правило, по-разному оценивают личное благосостояние и сходятся в оценках ситуации в городе и тем более стране. Данные опросов Левада-Центра с 1994 по 2004 гг. включительно ведут себя нестабильно. В один год и вовсе оценки разных «социальных дистанций» совпадают. Это ничуть не опровергает выдвинутую концепцию (задачи такой не было), поскольку в основном различия сохраняются: «Здесь важно понимать, — пишет автор, — что самооценка личного материального положения, измеренная на репрезентативной выборке, в совокупности представляет собой оценку материального положения репрезентируемой генеральной совокупности. В данном случае самооценка изменений личного материального положения, обобщенная на выборке, является самооценкой изменений материального положения россиян в целом» (с. 118). В.Б. Звоновский обнаруживает весьма схожие формулировки не только в данных по общероссийским и самарским опросам, но и в общенациональных опросах США, проводившихся Мичиганским университетом с 1962 по 2004 гг. Различия в оценках на разных уровнях здесь почти незаметны. Отсюда делается вывод, что «в одном из наиболее развитых в экономическом и технологическом смыслах обществе, влияние собственного опыта формирует отношение к объектам, расположенным в сфере повседневной жизненной практики индивида, в значительно меньшей степени, чем в российском массовом сознании» (с. 145). Точка. Эмпирическое обоснование гипотезы об уменьшении влияния личного опыта на оценки ситуации с увеличением социальной дистанции завершено.

И как все заманчиво начиналось: «пространство как сеть коммуникаций» (с. 32), «территориальная идентичность» (с. 39), «обобщенный опыт межиндивидуального взаимодействия» (с. 50), «двойственность восприятия пространства» (с. 58), «жизненный мир» (с. 62). Но это в теории, где подобным рассуждениям в эпоху постмодернизма самое место. На практике социальность определяется пятью-шестью переменными, предоставленными по стандартизированной процедуре, видимо, бестелесными созданиями. О том, что распределения в ситуации опроса в не меньшей мере зависят от интервьюера, чем от респондента, а различия могут объясняться как раз пространственными характеристиками здесь-и-сейчас социального взаимодействия во время интервью, речи быть не может. Этот слишком сложный пространственный мир проще выражать в привычных категориях. Вот и получается, что попытка переопределить ситуацию оборачивается возвращением на исходную позицию. Какие бы феноменологические выверты ни позволял себе полстер, привычная линейная процедура все исправит и определит в знакомых оценках и допущениях. Только какое это отношение имеет к пространству — вопрос так и остается открытым.

Вместе с тем, несомненная заслуга автора заключается в смелой, новаторской постановке сложнейшего вопроса операционализации теоретических представлений о пространстве. И пусть первая попытка выглядит сомнительной, логические построения автора заставляют задуматься не только над проблемами социального пространства, но и над границами опросной методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Звоновский В.Б.* Административный ресурс: вариант исчисления объема // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1. С. 3–37.
2. *Звоновский В.Б.* Голосуем списком... Списком избирателей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 2. С. 51–52.
3. *Звоновский В.Б., Пышкова Н.В.* Уклонение от уплаты налогов: отношение населения // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 51–57.
4. *Звоновский В.Б., Романович Н.А.* Общественное мнение о наркотизме: опыт региональных исследований // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 54–61.
5. *Звоновский В.Б.* Реализация репрезентативной выборки в массовом опросе // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 25–46.
6. *Звоновский В.Б.* ВИЧ и стигма // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 4. С. 505–522.
7. *Звоновский В.Б., Мацкевич М.Г.* Локализация ответственности как фактор социального поведения // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 45–57.
8. *Звоновский В.Б.* Собственный и привлеченный опыт освоения пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 4. С. 49–66.
9. *Филиппов А.Ф.* Социология пространства. М.: Изд-во «Владимир Даль», 2008.

Д.М. Rogozin
кандидат социологических наук,
доцент кафедры наук о культуре
Национального исследовательского университета —
Высшая школа экономики